

Ресурсные испытания оружия, когда на протяжении короткого периода времени из образца производятся тысячи выстрелов представляют из себя довольно грязную работу и требуют пусть и примитивной, но всё-таки защитной экипировки, без которой стрелок станет похож на паровозного кочегара

Михаил Дегтярёв

Плохо забытое старое

Военная приёмка возвращается?

«...Приёмку ликвидировали как класс. Это плохо. Её нужно восстанавливать...», «...Без эффективно работающей, функционирующей системы военной приёмки у нас большие проблемы с качеством военного оборудования...». Это лишь выдержки из недавних высказываний Президента РФ В.В. Путина относительно состояния дел в отечественном ВПК.

Я неоднократно касался темы военной приёмки и испытаний оружия в своём блоге на www.kalashnikov.ru, а теперь, похоже, пришло время поделиться соображениями с более широкой читательской аудиторией.

Военной приёмкой в советские времена вольно назывался процесс контроля качества продукции, заказываемой силовыми ведомствами и осуществляемый на местах (НИИ, КБ, заводы и пр.) представительскими заказчиков, основным из которых являлось Министерство обороны, собственно и содержащее эти представительства, к которым за помощью, при необходимости, обращались и другие заказывающие структуры.

Сотрудники представительств заказчика являлись офицерами Вооружённых сил и подчинялись исключительно своему командованию. В частности, военпреды по стрелково-пушечно-ракетной тематике входили в штат Главного ракетно-артиллерийского управления МО. В военную приёмку отбирались не только выпускники профильных военных и гражданских вузов, но и наиболее толковые выходцы с производств, которые направлялись на доучивание и возвращались на своё предприятие уже в новом качестве.

Машина военной приёмки работала практически безукоризненно, и только она была способна обеспечить должное качество советского вооружения и военной техники, поскольку при всём уважении к идеологической прокатке тех времён полагаться исключительно на ответственность передовиков производства из числа коммунистов и комсомольцев было нельзя. Существовавшая тогда система ОТК (отделов технического контроля) работала исключительно в интересах самих предприятий, чему подтверждением служит целая борода анекдотов про конец квартала.

Контролировалась и сама военная приёмка – посредством испытательных полигонов. Так, в системе ГРАУ работали полигоны в Гороховце, Донгузе, под Ленинградом («Ржевка») и др. Причём офицеры полигонов и заводских приёмок подчинялись разным департаментам ГРАУ, что исключало возможность давления руководства заказчика на процесс испытаний.

Забавно, но рыночные отношения мало что изменили в плане отношения изготовителя к потребителю – во главу угла на любом коммерческом предприятии ставится получение большей прибыли при меньших затратах. Такая система в плане качества саморегулируется исключительно в секторах с предельно жёсткой конкуренцией, но даже там всегда остаётся возможность картельного сговора.

Для отечественного ВПК эта проблема стоит очень остро, поскольку, по сложившейся практике, большинство изготовителей оружия и вооружения являются монополистами по конкретным изделиям и комплексам.

В общем, военная приёмка – это своеобразный дамклов меч, кнут, применение которого для наказания уже есть пример плохой работы. В штатном режиме этот «кнутик» непрерывно пощёлкивает над ухом разработчика и производителя, держа его в тонусе и помогая проявить исключительно самые лучшие профессиональные качества.

Как пример можно разобрать ситуацию с работой военной приёмки на предприятии, подобном «Ижмашу», основным продуктом оружейной номенклатуры которого во второй половине XX в. был автомат Калашникова различных модификаций.

Работа приёмки начиналась на этапе входного контроля материалов и продолжалась пооперационно вплоть до упаковки изделий для отправки заказчику. Кроме того, приёмка занималась обязательными выборочными испытаниями готовых автоматов из каждой партии, типовыми испытаниями при внесении любых незначительных изменений в конструкцию или технологический процесс, координацией работ со смежниками, аттестацией баллистического оружия и образцовых патронов и прочее, прочее, прочее...

Кстати, сейчас проверку балстволов и образцовых патронов осуществляют сами изготовители (!), и при полноценных испытаниях современных комплексов вполне могут появиться вопросы к согласованности траекторий и прочим наиважнейшим для боевого оружия характеристикам.

Только кто это проверит? Ведь вместе с кончиной ГРАУ остановились работы на Ржевском испытательном полигоне – некогда единственном независимом от промышленности квалифицированном контролирующем органе по стрелковому оружию и средствам ближнего боя.

Многочисленные измерения сопровождают каждый этап испытаний

В испытаниях оружия и боеприпасов не бывает мелочей – обратите внимание на пломбу бронеплиты, которая используется для контроля параметров бронепробиваемости патронов

Редко используя категорические формы в своих высказываниях, в данном случае я позволю себе дать оценку решениям о ликвидации ГРАУ, НИИ-3 МО, «Ржевки» и военной приёмки – это преступление, совершённое, будем надеяться, лишь по причине чьего-то недоумия и недальновидности, а не из вредительских побуждений.

Возможно, упомянутые структуры стали пешками в тактической игре при устранении неугодных кому-то фигур или в погоне за некоей «оптимизацией», в пылу формирования красивой, выгодно подаваемой кому-то картинке. Со стратегической же точки зрения это типичные решения временщиков, неспособных мыслить перспективой и уверенных в своей безнаказанности за вчерашний день.

Не совсем к месту, но приведу свежий пример сбежавшего недавно за рубеж ведущего конструктора корпорации «Тактическое ракетное вооружение» Александра Долматова. Ну, заигрался гражданин в митинги и оппозицию, забыл о своих должностных обязанностях и ответственности перед страной, доверившей ему работу, связанную с высокой степенью секретности и национальной безопасностью. Бывает. Но приняв решение бежать из России, он позаботился об эксклюзивном страховом полисе с пунктом о ледорубе?

Может быть, пора завязывать с сотрясанием воздуха заявлениями типа «порядок должен быть наведён», «виновный должен быть наказан», «виновные должны быть выявлены». Стоит подтереть в словарном запасе становящееся сакраментальным выражение «должен/должны/должно быть», и все сразу почувствуют разницу. И, возможно – ответственность. Неплохо бы упразднить и срок давности применительно к идиотским решениям, разрушающим любую, пусть несовершенную, но действующую систему.

В этом смысле совершенно нетипичным можно считать случай с «Ижмашем», чьё название последний год-полтора чуть не еженедельно помещается в федеральных СМИ вместе с описаниями успехов новой команды управленцев.

А чего, собственно, столько шума? Ну, взяли огромный завод, обжали, отрезали всё ненужное, перетрясли коллектив, приблизились к докризисным объёмам выпуска гражданского оружия, лишились перспектив заказа боевых образцов от МО, заявили о грандиозных планах... Фантазии о «новом» автомате АК-12 я лучше прокомментирую в другой раз.

Происходящее с «Ижмашем» нельзя оценивать с точки зрения «плохо/хорошо». Просто пришло время провести ревизию монстра, который некогда был способен произвести до 1 000 000 автоматов Калашникова в год и чья мощь во всей её полноте просто не востребована сегодня. Правда, у меня припасён простой вопрос – а как дела на предприятии с мобилизационными мощностями? Где образцы автоматов и винтовок из последней партии, запасы сырья, законсервированное оборудование,

Испытания по-настоящему новых систем длятся годами. На фото фрагменты испытаний 57-мм автоматического гранатомёта стрельбой на больших углах возвышения и при отрицательных температурах, когда заряженное оружие замораживается в климатической камере до -50°C

инструмент на «предвиденный случай»? Я с удовольствием возьмусь за подготовку материала о том, как это всё работает в идеале (я про моб. мощности) на примере «Ижмаша». Найдётся в той статье повод поговорить и про патриотизм, и про профессионализм управленцев, и про их дальновидность...

К сожалению, в процессе реформы «Ижмаша» пострадали люди, что, наверное, неизбежно. Но как оценить расшатывание формировавшегося десятилетиями конструкторского коллектива, то есть ижевской оружейной школы? Её не заменить талантливым профессионалом в окружении подмастерьев.

С производством тоже, похоже, не всё ладится. Например, в одном длинном и явно рекламном посте в интернете восторженный блогер под названием vsigin умиляется возрастом старшего мастера на сборочном участке «Ижмаша» – мол, 21 год, а какая ответственная должность! А на самом деле отсутствие на таком рабочем месте опытного профессионала не что иное, как трагедия местного масштаба, что понятно любому специалисту. Вдобавок учащийся в университете 21-летний мастер признаётся блогеру, что как раз сейчас решает дилемму – уезжать после получения диплома в Германию или нет. Гениальная реклама предприятию – от перспектив просто дух захватывает...

Надо сказать, что с новым руководством «Ижмаша» я так и не нашёл общего языка, поскольку позволил себе усомниться в реальности оперативных планов, и теперь остаётся только подождать года два-три, чтобы посмотреть, каких высот достигнет обновлённый «Ижмаш». Вот только если за этот период ещё пару раз директора сменятся, кого за успехи наградят, с кого спросят? Собственно, очередная смена руководства уже произошла в начале лета.

Может показаться, что я слишком отвлекаюсь от темы, которую сам же и начал в статье, но это не так – все затронутые вопросы теснейшим образом связаны между собой.

Например, именно в ранних 90-х, когда начала расшатываться военная приёмка, в конструкции АК74М исчезли обтюрирующие проточки на газовом поршне, выполнявшие функцию газового затвора и препятствующие прорыву газов в ствольную коробку, что влияет на комфортность стрельбы и загрязнение механизмов. Таким образом, «Ижмаш» избавился от существовавшей проблемы стойкости хромового покрытия на гранях проточек. Нет проточек – нет проблем. В лучшие времена такая рационализация однозначно не прошла бы, а в смуту, под шумок, «за мелочностью» проскочила.

Набором подобных «усовершенствований» в интересах изготовителя можно угробить самую выдающуюся модель оружия, что происходит и с относительно современными образцами отечественного оружия при отсутствии военной приёмки и уничтоженной системы испытаний.

Раньше в первый год производства нового образца оружия испытания в объёме периодических проводились раз в квартал, второй и третий год – раз в полугодие, а начиная с третьего – ежегодно вплоть до снятия с производства. Кто и где сейчас ведёт эти работы? На Ржевском полигоне жизнь едва теплится...

Недавно в одном из выступлений наш Президент коснулся проблемы принятия на вооружение новой боевой машины десанта (речь шла, видимо, о БМД-4М). На самом деле там много проблем, и одна из них – это артиллерийская часть, которую, похоже, никто не простреливал на изменённом корпусе и шасси. Раньше этим занималась «Ржевка», а сейчас кто возьмёт на себя ответственность подписать таблицы стрельбы?

Другой пример – из стрелковой тематики. Относительно недавно на вооружение МО был принят пистолет-пулемёт ПП-2000. Несмотря на свой странноватый внешний вид, машина оказалась вполне работоспособной и могла бы жить. Однако, при отсутствии потребностей от армии, основным заказчиком новинки стало МВД, со своим уровнем компетентности. Изготовитель не преминул этим воспользоваться и в лучших традициях «усовершенствовал» модель, которая в результате просто перестала попадать в мишень в автоматическом режиме. Когда я это услышал, то не поверил, поскольку был знаком с оригинальным пистолетом-пулемётом. Однако практическая стрельба из «модернизированного» оружия подтвердила самые худшие опасения. Такое развитие событий в старой, пусть несовершенной, но всё-таки системе было абсолютно невозможно.

Пары слов заслуживают и совсем свежие проекты. Вот, например, у всех любителей оружия на слуху разговоры о скором принятии на вооружение пистолета «Стриж»/«Страйк» («КАЛАШНИКОВ», №3/2012).

Наш научный редактор Юрий Пономарёв, 30 лет отдавший службе на Ржевском полигоне и закончивший её в должности начальника отдела испытаний стрелкового оружия и средств ближнего боя, ещё в январе подготовил программу оценочных испытаний новой конструкции, и мы передали её разработчику. Но бумажка с программой и проведённые (и тем более, успешно пройденные) испытания – это две б-о-о-ольшие разницы.

Неужели кто-то действительно верит в то, что программой можно воспользоваться как инструкцией и без участия профессиональных испытателей провести колоссальную работу, получив по-настоящему объективные данные?

Примеры ненормальной деятельности вокруг оружейной тематики можно приводить бесконечно долго, но я остановлюсь в надежде на то, что посыл Президента будет услышан его подчинёнными, которые способны оглядеться по сторонам и, не дожидаясь очередного прозрачного намёка на проблему, проявить здоровую инициативу, спасая и восстанавливая столь необходимые великой оружейной державе структуры. Важно только опираться при этом не на энтузиастов, а на специалистов, чей опыт пока ещё доступен практически в полной мере.

О реальности такого пути уже свидетельствует начинающая работать Межведомственная рабочая группа при Военно-промышленной комиссии Правительства, а также принятие Государственной думой в первом чтении проекта Федерального закона «О фонде перспективных исследований». Будем ждать результатов.

